

Лу Юйчжоу уложил Чи Чунцяо и посидел рядом с кроватью некоторое время. Чи Чунцяо хмурился, и только через десять минут его дыхание постепенно выровнялось. Лу Юйчжоу дождался, пока он крепко заснет, и только тогда ушел.

Лу Юйчжоу проспал меньше двух часов, его сердце все время было привязано к Чи Чунцяо. Ближе к полуночи он все же встал и пошел постучаться в дверь Чи Чунцяо. Не услышав ответа, его сердце сразу же замерло.

К счастью, Чи Чунцяо не запирает дверь спальни дома, и Лу Юйчжоу, не задумываясь о вежливости, сразу же вошел.

Чи Чунцяо действительно сильно нагрелся, он завернулся в одеяло и в бреду говорил, что ему холодно.

На самом деле, он уже почти не осознавал происходящее, отчасти из-за температуры, отчасти из-за сильной усталости. Он не мог проснуться от сна. Чи Чунцяо слишком устал за последнее время, он засыпал, как только касался подушки, и не просыпался без шести-семи будильников.

Лу Юйчжоу положил руку на лоб Чи Чунцяо, ладонь почувствовала жар, который был намного сильнее, чем когда они вернулись домой. Лу Юйчжоу, почувствовав этот жар, сразу же изменился в лице.

Чи Чунцяо в полубреду почувствовал, что кто-то приблизился, и ощутил прохладную кожу на своем лице. Он инстинктивно потянулся к этому холоду, прижав щеку к руке Лу Юйчжоу на подушке.

Он был покрыт мелким потом, его тело горело, и, хотя он жаждал прохлады от Лу Юйчжоу, он все же тихо бормотал: «Холодно».

Лу Юйчжоу был настолько напуган температурой Чи Чунцяо, что на несколько секунд оцепенел. Когда он звонил врачу, его пальцы дрожали. Его другая рука была прижата Чи Чунцяо, и он не мог пошевелиться. Лу Юйчжоу, собравшись с силами, вытащил руку, уведомил врача и начал прикладывать холодные компрессы, смочив полотенце в холодной воде.

Врач на другом конце провода, услышав его слова, накинул одежду и поспешил к ним, торопливо сказав: «Господин Лу, сначала используйте холодное полотенце, чтобы снизить температуру, а затем измерьте температуру господина Чи. Если совсем плохо, используйте спирт. Я уже еду».

Лу Юйчжоу следовал указаниям врача, прикладывая холодное полотенце к Чи Чунцяо. Чи Чунцяо горел, но все равно кричал, что ему холодно, и зарывался в одеяло.

Лу Юйчжоу, не зная, что делать, просто завернул его в одеяло и обнял. Чи Чунцяо, будучи

обнятым, наконец успокоился, высунув голову из одеяла и уткнувшись в шею Лу Юйчжоу.

Лу Юйчжоу наклонился. В этот момент его сердце будто плавало в кипящем масле, не находя покоя ни на секунду. У Чи Чунцяо уже было 39,5 градусов, он полностью потерял сознание, даже не стонал, просто закрыл глаза и, прислонившись к Лу Юйчжоу, тяжело дышал.

Почему врач еще не приехал?

Как раз когда терпение Лу Юйчжоу было на пределе, наконец раздался звонок в дверь. Лу Юйчжоу осторожно положил Чи Чунцяо и пошел открывать дверь. Врач с аптечкой, даже не поздоровавшись, побежал в спальню Чи Чунцяо.

После того как поставили капельницу, чтобы Чи Чунцяо во сне не выдернул иглу, Лу Юйчжоу просто взял его на руки, чтобы он спал, прислонившись к нему.

Вскоре после начала капельницы Чи Чунцяо, вероятно, почувствовал себя лучше и спокойно устроился в объятиях Лу Юйчжоу.

Когда первая бутылка закончилась, врач подошел, чтобы заменить ее.

Врач тихо сказал: «Господин Лу, дайте ему немного воды. После второй бутылки температура должна снизиться. Если не снизится, придется ехать в больницу». Дома, в конце концов, нет больничного оборудования.

Вторая бутылка была настоящим лекарством, и вскоре тело Чи Чунцяо стало менее горячим.

Лу Юйчжоу, видя, что Чи Чунцяо спокойно спит, понизил голос: «У брата Цяо всегда было крепкое здоровье, он никогда не болел простудой. На съемочной площадке тоже никто не болел гриппом. Как он мог заразиться?»

Человек в его объятиях раньше горел, как раскаленный железный лист, обжигая его сердце.

Чжун Инь каждый день, отвозя Чи Чунцяо домой, докладывал Ду Юйшэну о его состоянии. Менеджер не мог постоянно крутиться вокруг артиста, поэтому должен был общаться с ассистентом, чтобы предотвратить ситуации, когда артист работает больным. В такие сезоны, как весна и осень, когда легко заболеть, Ду Юйшэн специально напомнил, чтобы обращали внимание на людей, с которыми Чи Чунцяо контактирует. Лу Юйчжоу тоже был внимателен, поэтому Ду Юйшэн каждый день отправлял ему отчет Чжун Иня.

Врач, немного изучивший традиционную китайскую медицину, пощупал пульс и покачал головой: «Болезнь не всегда передается от других. У господина Чи отличное здоровье, он регулярно занимается спортом, но, возможно, в последнее время плохо отдыхал? Питание было нормальным?»

Лу Юйчжоу сразу нахмурился и покачал головой: «Брат Цяо в последнее время недосыпает». Он каждый день читал сценарии почти до часу ночи, иногда, когда Лу Юйчжоу заканчивал видеоконференцию, брат Цяо все еще не ложился спать. Но так как он сам тоже часто засиживался допоздна, он только напоминал ему, не решаясь настаивать.

Врач вздохнул: «Господин Лу, актеры страдают не от того, что зимой купаются в холодной воде, а летом укутываются в одеяла. Их страдания — это психическое давление. Иначе почему так много актеров с психическими проблемами? Когда человек держит в себе слишком много, слишком много думает, тело обязательно отреагирует. Некоторые, находясь под давлением, не только теряют волосы, но и не могут заснуть, не чувствуют голода, а в тяжелых случаях их тошнит без причины. Со временем это подрывает здоровье».

Врач, собирая вещи, добавил: «Я это говорю и вам, господин Лу. Вы — выдающийся человек с большой ответственностью, но нельзя относиться к себе как к железному. Вам нужно отдыхать. У вас просто здоровье лучше, чем у других, иначе, — он указал на Чи Чунцяо, свернувшегося в объятиях Лу Юйчжоу, — вы бы сейчас тоже лежали здесь».

Лу Юйчжоу наклонился. Хотя лицо Чи Чунцяо покраснело от температуры, его губы были бледными и бескровными. Он взял чашку, смочил ватный тампон в воде и смазал им губы Чи Чунцяо.

Как раз когда врач подумал, что его слова прошли мимо ушей Лу Юйчжоу, тот тихо сказал: «Хорошо, я буду осторожен».

Он поднял голову, его глаза были темными: «Я сам вытащу иглу. Уже так поздно, возвращаться неудобно. Если доктор Сюэ не против, можете переночевать в гостевой комнате».

Врач покачал головой: «Лишь бы было где поспать!»

Лу Юйчжоу, по правилам, должен был встать и проводить его в гостевую комнату, но Чи Чунцяо лежал на нем, и ему было жалко и больно отпускать его. Взвесив вежливость и брата Цяо, он выбрал последнее: «Я не могу уйти, гостевая комната — вторая дверь справа от выхода. Постельное белье и подушки новые, их регулярно меняют, можно сразу лечь».

Врач был доволен, кивнул Лу Юйчжоу, сделал два шага и обернулся: «Я плохо знаю традиционную китайскую медицину, не могу многое определить по пульсу, но болезнь господина Чи началась слишком резко, вероятно, из-за сильного стресса. Когда он проснется, вам нужно с ним поговорить. Ах да, сегодня ночью будьте внимательны, если температура снова поднимется, обязательно позовите меня».

Лу Юйчжоу кивнул.

Врач тихо закрыл дверь и ушел, довольный.

Вскоре после его ухода у Чи Чунцяо закончилась капельница, и температура спала. Раньше Чи Чунцяо был покрыт тонким слоем пота, но теперь, когда температура спала, он почувствовал холод и начал зарываться в объятия Лу Юйчжоу.

Лу Юйчжоу вытащил иглу и прижимал место укола, но одной рукой он не мог удержать Чи Чунцяо, поэтому с легкой досадой прижал его к кровати, свободной рукой обняв Чи Чунцяо и мягко похлопывая его по спине.

Он смотрел на спящее лицо Чи Чунцяо и тихо сказал: «Кажется, что ты весь день не знаешь забот, но о чем ты думаешь?»

Лу Юйчжоу был так близко, что его дыхание касалось лица Чи Чунцяо. Чи Чунцяо, чувствуя, что его сон нарушен, с трудом высвободил руку из-под одеяла и прижал ее к лицу Лу Юйчжоу, с неохотой отвернувшись.

Лу Юйчжоу, которому прижали руку к лицу: «...»

Место укола уже не кровоточило, и Лу Юйчжоу убрал руку, засунув руку Чи Чунцяо обратно под одеяло. Температура Чи Чунцяо вернулась к норме, пот на его лице уже высох, обнажив бледное лицо без макияжа, с легкой морщинкой между бровей и сжатыми губами, что выглядело жалко.

О чем ты грустишь?

Лу Юйчжоу наклонился, прижавшись щекой к щеке Чи Чунцяо, и тихо прошептал: «Что тебя расстроило?»

Чи Чунцяо дышал ровно.

Лу Юйчжоу смотрел на него некоторое время, затем выключил свет у кровати.

Они были так близко, что их дыхание смешивалось, и, говоря «спокойной ночи», казалось, нужно было поцеловать человека в объятиях. Но Лу Юйчжоу сдержался.

Его любовь была настолько сильной, что он не мог позволить себе даже малейшей вольности.

****

Чи Чунцяо проспал до рассвета и проснулся в растерянности.

Он перевернулся в кровати. Хотя температура спала, простуда еще не прошла, все тело болело,

и после вчерашней высокой температуры он чувствовал себя обезвоженным, слабым и без сил.

Меня что, трахнули?..

Чи Чунцяо давно не болел такими мелкими, но надоедливими болезнями, как головная боль, и проснулся в полной растерянности. Поэтому в его голове возникла ужасная мысль, но он быстро отогнал ее — он все еще был дома.

Он нашел телефон, посмотрел на время и сразу изменился в лице — 10:27! У него сегодня были съемки!

Чи Чунцяо резко попытался встать, но его ноги были слабыми, и он не смог подняться.

В этот момент Лу Юйчжоу вошел с тарелкой каши: «Я уже попросил отгул для брата Цяо».

Чи Чунцяо расслабился, поднял руку и некоторое время смотрел на след от укола на тыльной стороне ладони: «Я вчера вечером температурил?»

Лу Юйчжоу поставил тарелку с кашей: «Да, температура поднялась до 39 градусов. Если бы не вызвали врача, ты бы стал глупым братом Цяо». Он проверил температуру каши: «Каша еще горячая, брат Цяо, сначала умойся».

Чи Чунцяо кивнул, сбросил одеяло и пошел в ванную.

Чистя зубы, Чи Чунцяо нахмурился, глядя на свое бледное отражение в зеркале, и подумал: «Наверное, вчера вечером после алкоголя меня продуло кондиционером».

После умывания он стал гораздо бодрее и сел перед Лу Юйчжоу: «Вчера вечером было слишком хлопотно...»

Лу Юйчжоу повернулся: «Брат Цяо, твоя вежливость ранит».

Чи Чунцяо, не договорив, проглотил фразу. Он колебался, не зная, что сказать, и просто опустил взгляд на тарелку с кашей.

Лу Юйчжоу сказал: «Доктор Сюэ сказал, что твоя внезапная температура — это результат недавнего стресса. Брат Цяо, ты сильно недосыпаешь?»

Чи Чунцяо почувствовал, как этот вопрос тронул его сердце, и, немного помявшись, решил солгать: «Я не недосыпаю».

Лу Юйчжоу: «...»

Глаза в глаза говорит неправду.

Лу Юйчжоу хотел поговорить с Чи Чунцяо, но его брат Цяо не сотрудничал, отвечая уклончиво и не желая говорить правду.

Лу Юйчжоу молча посмотрел на него некоторое время, затем опустил глаза и тихо сказал: «Хорошо, я больше не буду спрашивать. Брат Цяо, отдыхай».

Чи Чунцяо: «...»

Это было слишком.

Чи Чунцяо протянул руку: «Иди сюда, Юйчжоу».

Лу Юйчжоу подошел, и Чи Чунцяо взял со стола пакет, достал из него коробку. «Пару дней назад я был на съемках в храме Шаньминь и увидел, что там продают это».

Лу Юйчжоу удивился.

Чи Чунцяо открыл коробку, внутри была нитка из 108 бусин бодхи.

«Это не что-то очень ценное, я не давал тебе это, потому что не знал, как сказать», — Чи Чунцяо взял руку Лу Юйчжоу и начал наматывать браслет на его запястье. «Изначально я не собирался покупать это, ведь ты не носишь такие яркие украшения. Но я импульсивно купил его, не зная, будешь ли ты носить, и поэтому не давал тебе...»

Лу Юйчжоу не сопротивлялся, позволяя Чи Чунцяо мягко держать его руку. Он смутно догадывался, что Чи Чунцяо хочет сказать что-то не очень приятное. Его брат Цяо всегда любил хвалить его, а не ругать.

Каждый раз, когда он делал что-то не так, брат Цяо показывал такое выражение лица, будто столкнулся с большой проблемой.

Для Лу Юйчжоу Чи Чунцяо занимал половину роли старшего, не по возрасту, а психологически. Лу Юйчжоу с рождения не получал такой родительской любви, как Лу Чжо. Хотя дедушка тоже любил его, он был старым военным, который не умел воспитывать детей, и относился к сыну и внуку с политикой невмешательства, будучи строгим, но не проявляя достаточной любви. Только в последние годы, когда он постарел, его отношение изменилось, и он перестал всегда хмуриться.

Чи Чунцяо отличался от дедушки. Он не ругал Лу Юйчжоу за ошибки, а мягко направлял его, когда тот начинал сбиваться с пути.

Как сейчас, Чи Чунцяо хмурился, его лицо выражало нерешительность.

Лу Юйчжоу, увидев его заботливое выражение, почувствовал, как его сердце смягчилось.

Чи Чунцяо, держа пальцы Лу Юйчжоу, долго подбирал слова. На самом деле, даже если бы он сказал это прямо, Лу Юйчжоу не рассердился бы, но Чи Чунцяо не хотел говорить прямо, ведь его слова были бы слишком неприятными.

Он мог бы и не говорить, ведь ему не нужно было расстраивать своего покровителя, верно?

Но это был его Юйчжоу.

Чи Чунцяо не хотел, чтобы он шел по неправильному пути, причиняя вред себе и другим.

Чи Чунцяо тихо сказал: «В храме выставили девять ниток бодхи, и я сразу заметил эту».

Он провел пальцем по разделительной бусине, на которой не было вычурных узоров, только девять иероглифов: «Увидеть истинное я, увидеть всех живых, увидеть небо и землю».

Чи Чунцяо сказал: «Мне нравятся эти девять иероглифов, поэтому я купил это. Несколько дней назад дедушка сказал, что ты...» Он облизал губу, быстро пропустив слова дедушки, «...действуешь слишком импульсивно. На самом деле, я думаю...»

Лу Юйчжоу вдруг засмеялся.

Чи Чунцяо удивился.

Лу Юйчжоу прижался к нему и тихо сказал: «Дедушка сказал, что я слишком мелочен, не терплю других и не способен быть лидером».

Несколько дней назад они вернулись в дом дедушки, чтобы навестить его. После обеда дедушка позвал их в кабинет. Ему нечего было сказать Чи Чунцяо, и он с любовью напомнил ему заботиться о здоровье, а затем резко отругал Лу Юйчжоу.

Слова дедушки были резкими, и Чи Чунцяо с трудом уловил суть — один из проектов под руководством отца Лу Юйчжоу столкнулся с проблемами. Руководитель проекта в прошлый раз создал проблемы для Лу Юйчжоу, и тот, не сказав ничего тогда, на этот раз использовал его ошибку, чтобы поставить отца и его людей в неловкое положение.

Лу Юйчжоу сказал: «Дедушка сказал, что я действую без оглядки, руководствуясь только своими чувствами, и не знаю, когда остановиться. Брат Цяо тоже считает, что я плохой?»

Чи Чунцяо помолчал, затем покачал головой и улыбнулся: «Если бы я свалил все твои ошибки на тебя, это было бы несправедливо. Характер формируется под влиянием окружения. Быть жестоким или нет — это не твой выбор». Он чувствовал, что иногда Лу Юйчжоу не был намеренно жестоким, он просто не осознавал, что переходит границы.

Лу Юйчжоу чувствовал себя спокойно рядом с ним. Он подумал и сказал: «В детстве я всегда дрался с Лу Чжо. Они принимали его сторону, и, независимо от того, кто был прав, всегда винули меня. Я чувствовал...» Он усмехнулся, как будто считая свои прошлые поступки детскими, «...что это несправедливо, и думал, что если меня все равно будут ругать, то лучше бить сильнее. Мы с детства соперничали, и он был жестоким, а я не знал меры».

Улыбка быстро исчезла с его лица. «Наверное, это стало привычкой».

Эти пять слов пронзили сердце Чи Чунцяо, заставив его дышать с болью.

Лу Юйчжоу не хотел говорить о прошлых неприятностях. Он тихо прижался к Чи Чунцяо, затем внезапно обнял его. Звук деревянных бусин едва заглушил голос Лу Юйчжоу.

Он сказал: «Брат Цяо, я хочу измениться».

Чи Чунцяо мягко похлопал Лу Юйчжоу по спине: «Я знаю, я знаю».

Он сменил выражение лица на более легкое и с улыбкой спросил Лу Юйчжоу: «Ты, конечно, иногда перегибаешь палку, но если бы руководитель проекта не задел тебя, ты бы не стал его преследовать. Ты иногда слишком сильно защищаешь своих. Дай угадаю, руководитель проекта сказал что-то плохое о дедушке? Наверное, что он фаворитизирует, старый дурак, который осмелился передать компанию молодым».

Лу Юйчжоу: «Да, я случайно услышал. Как ты догадался?»

Чи Чунцяо ткнул его в щеку: «Я знаю твой характер. Если бы он в прошлый раз действительно задел тебя, ты бы тогда же заставил его страдать, зачем ждать до этого раза? Я не верю, что ты стал бы считаться с руководителем проекта».

Лу Юйчжоу позволил ему ткнуть в щеку, а затем потянуть за нее.

Чи Чунцяо сказал: «И Чжуан Фу, почему ты не трогаешь его? Чжоу Юньмо потерял контракт, а ты только сделал вид, что действуешь?» Лу Юйчжоу не создавал проблем Чжуан Фу и Чжоу Юньмо, но он просто игнорировал их. Если бы не необходимость поддерживать порядок в компании, Лу Юйчжоу, вероятно, сделал бы вид, что ничего не замечает.

Лу Юйчжоу прижался к его руке и промолчал.

Чи Чунцяо с трудом сохранил серьезное выражение лица: «...Даже если ты будешь милым, это не работает. Ты делал это намеренно?»

Лу Юйчжоу: «...Да».

Чи Чунцяо вздохнул: «Ты защищаешь своих, но подумал ли ты, что я один из них?»

п/п: Кстати вот браслет Бодхи из 108 бусин.

Ред.Neils март 2025года

<http://bllate.org/book/13818/1219553>